

(Продолжение, начало в номере за 16 декабря 2016 года)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ. «Ны...Ды...Ты...»

Когда умер дед, я поехал в Керенск на похороны.

Суеверный, он боялся разбитого зеркала, трех огней, тринадцатого обедающего, не позволял при себе говорить о смерти, а умер кротко и примиренно.

Только на несколько месяцев пережила деда бабушка Марья Петровна; она отошла в июле, когда из раскрытых балконных дверей тянуло уже левкоями и метиолой. Но даже больная, в постели, бабушка по привычке все еще отдавала распоряжения по хозяйству. Кухарке, пришедшей спросить, отправлять ли в Сапеловку на откорм индюшек, с тяжелым усилием сказала: «Ох, нет, Марфа, оставь, может на мои похороны пригодятся...»; и ночью умерла.

А еще через ночь в керенскую почтовую контору пришла весть о неожиданной войне. Перед дедовым домом площадь запружена крестьянскими лошадьми всех мастей и отмастков; телеги отпряжены, меж ними гурьбой ходят парни с гармоньями, отчаянно кричат песни. Это всеобщая мобилизация. Над площадью разрастается звериный, неистовый бабий плач. У балкона морщинистая, будто глиняная, старуха припала к молчаливому парню, причитает: «Ой, Петенька, на кого ж ты меня оставляешь!». У нас в Конопати за год войны сельская тишина стала еще тише, но и тревожней. Белоглазый немец Франц Зонтаг в Косом Враге конными граблями сгребает сено, убирает конюшни, по вечерам с бабами доит коров. Озорная скотница Марья в людской заигрывает с этим вестфальцем-металлистом, но он отмалчивается и, поужинав, садится каждый вечер учить русский язык, все что-то заносит в записную книжку, а по субботам пишет письма матери, описывая русскую деревню, нашу усадьбу, работу, еду; один раз в конце письма приписал: «Пишу тебе, а в русском господском доме играют немецкую музыку». Верно. Это был Моцарт.

За этот год из Конопати, Евлашева, Смолькова ушло много рекрутов, ратников, ополченцев. Письма приходят из-под Риги, с Карпат, из Польши, с Черного и Балтийского морей, с границ Турции. Но хоть и далеко ушли русские мужики, а к своей земле как приросли; в письмах все беспокоятся о хозяйствах, о пахоте, о лошадях, об оставшихся солдатках, о том, как они справляются? Их письма волнуют села, а ответные бабьи волнуют русские окопы.

Пришли тяжелые известия: старшему Сбитневу оторвало ногу, он лежит в Царском Селе в лазарете, а в евлашевской ночной избе потихоньку плачет его баба. Конопатский Крушинин убит далеко от Конопати, под Танненбергом, на селе даже не знают, где это? Весельчак, балагур мирской пастух Кротков попал в плен к австрийцам, смольковский

Воробьев уплыл с войсками во Францию, а поповская старая стряпка Дарья получила от сына из окопов Галиции письмо, кончавшееся «ны...ды...ты.»», и сразу догадавшись, что это «наше дело труба», с какой-то даже странной радостью долго всем об этом рассказывала.

(От ред. Сам писатель в августе 1916 года также был призван на военную службу. После окончания Московской 3-й школы прапорщиков — в действующей армии. Весной 1917 года с маршевым батальоном отправлен на Юго-Западный фронт. В период «демократизации» армии был избран товарищем председателя полкового комитета).

Февральская РЕВОЛЮЦИЯ

На Московской улице красные банты, красные знамена, полотнища кумача; и откуда достали столько кровавой материи? Пензяки, без различия состояний, все улыбаются, как на Пасху. На извозчиках, потрясая разбитыми кандалами, в халатах, в войлочных шапочках, в казенных котлах едут освобожденные из острога уголовники. С извозчиков они что-то кричат о свободе, о народе. Толпа криками приветствует их. Даже извозчики везут их даром; в России теперь все будет даром! «Отречемся от старого мира!». Тюремь уже взломаны, стражники бежали. В свободной стране не может быть тюрем. Теперь свобода всем, совершенная свобода! Жизнь народа началась только сегодня, а все, что было вчера, выброшено из народной памяти.

Освобожденный народ не нуждается в полиции и полиции нет, она бежала от народного землетрясения. Везде песни, приветствия, давка опьяненной толпы, обладательницы ничем теперь неограниченной свободы. Губернатор Евреинов арестован, но беззлобно, просто выброшен, как ненужный предмет. По указу революционного Временного Правительства власть перешла к председателю губернской управы князю Кугушеву, хорошему знакомому и постоянному партнеру губернатора в винт.

Невыдающийся, безобидный князь, ставший против воли революционной властью, от имени революции обязан принять парад народа и войска на Соборной Площади. Неподалеку от Кугушева, у трибуны стоит седоусый бригадный генерал Бем, начальник гарнизона, в петлице его касторовой шинели тоже есть, хоть и небольшой, красный бант. С окраин в центр идут шестьдесят тысяч войска, это сверхчеловеческий парад, сотрясающий воздух над Пензой.

Я иду впереди роты, слышу сзади: «Нет теперь командеров! Идем как хотим!». Солдаты пьяны и свободой и водкой, все течет самотеком, под давлением нечеловеческих сил. Под немолчно стонущее «ура» мы подходим к Соборной Площади. Но вдруг все прорезали сиплые выкрики: «Бема бьют!». И все кинулись к трибуне комиссара, а с тротуара, ничего не поняв, дамы машут сумочками, платками, кричат: «Ура!». Я и прапорщик Быстров сдерживаем наших солдат. Я кричу: «В строй!»; я остервенел, я лезу на солдат, я знаю, что если сейчас мы их не сдержим, они, может быть, разнесут все. В воротах какого-то дома мы, пять прапорщиков, не впускаем наседающую на нас толпу. Сзади на снегу валяется голый, пятнистый от кровоподтеков, растоптанный солдатскими сапогами труп полного человека и в этом трупе, странно раскинувшем руки и ноги, есть что-то совершенно несообразное с только что виденным командиром бригады и начальником гарнизона.

- Товариииищ-щиини! Это же позор революции! - надрывается ломкий, умоляющий юношеский голос прапорщика Быстрова.

ОКТАБРЬ 1917- го ... да пожарище
головней

...Мать рассказывает о Пензе, о наплыве фронтовиков в деревнях, о том, что везде громят, что товарища отца, нотариуса Грушецкого заживо сожгли в его имени, что под Керенском убили знакомого молодого либерального помещика Скрипкина и для потехи затолкали труп его в бочку с кислой капустой, а после этого мужики двинулись дальше на соседнюю усадьбу Божеряновой. Но Божерянову предупредили. И так как в имении Скрипкина мужики барским кровным маткам ломали перебили хребты, а производителю-жеребцу вырезали язык, Божерянова у себя на конюшне застрелила свою любимую лошадь и потом выстрелила в себя, но себя только ранила; и когда толпа уже вбегала в парк, старый приказчик увозил из усадьбы окровавленную, ослепшую женщину...

Она рассказывает, как громили наше имение, как после разгрома Лукиных, конопатские пришли на усадьбу к няне Анне Григорьевне с тем, что возьмут имение в охрану, хлеб свезут в общество «под ярлык до Учредительного Собрания», а на скот установят цену и купят его обязательно под расписку, чтоб никто, даже само это Учредительное Собрание, не имело бы права, в случае чего, отобрать назад. Анна Григорьевна на все соглашалась. И конопатские начали перегонять скотину, как вдруг на дороге показались евлашевские, а из-за лесу, с другой стороны, выбежали смольковские. На усадьбе началось кромешное светопредставление. Евлашевские кричат конопатским, что те разворовывают «народное достояние», конопатские отвечают, что в Евлашеве они с своей Лукиншей рассчитались, а эта усадьба причитается конопатским, и они хотят свое добром взять. Но и евлашевские и смольковские требуют и тут своей доли. И вдруг какой-то мальченка, вероятно, от удовольствия общей свары запустил кирпичем в окно и от этого стеклянного дребезга толпа всех трех сел рванулась и пошло! Выбили окна, высадили двери, тащили, кто кресло, кто посуду, кто стулья, кто диван. Бабы поволокли ковры, портьеры, гардины, тут же на лугу рвали их, чтобы всем вышло поровну; какой-то евлашевский парень топором рубил медные тазы, каждому со смехом раскидывая по куску. В усадьбу понаехали с подводами, каждый торопится побольше забрать народного достояния. Беременная, на сносях, баба, на себе утащила входную дубовую дверь. Разгул расходился всебезудержней. Но кто-то, разлив в кладовой керосин, поджег его и выстоявший дом запылал, как свеча. За домом подожгли службы, ометы соломы, сена. Пленные немцы недоумевали, зачем же жгут? Лучше бы взяли и увезли к себе? Но этого им так никто и не мог объяснить. И скоро от отпылавшей усадьбы остался только чугунный локомотив на снежном бугре да пожарище головней.

Откуда фотографии ?

В июне 2009 года в Государственный архив Пензенской области пришло письмо из далекого французского города Бон-Анконтр от Михаила Сергеевича Гуля, племянника

писателя Романа Борисовича Гуля. В этом письме он просил работников архива помочь ему в поиске документов, содержащих сведения о его предках по линии дедушки Бориса Карловича Гуля и бабушки Ольги Сергеевны Гуль, урожденной Вышеславцевой, для пополнения его личного архива.

Детство, отрочество и юность его отца Сергея как и его родного брата Романа, неразрывно связаны с Пензенским краем. В Пензе братья окончили первую мужскую гимназию.

Сотрудниками госархива был проведен поиск документов и их обработка, связанных с историей семьи Гулей. В благодарность за эту работу Михаил Сергеевич Гуль выслал копии фотографий из семейного альбома.

Реман Борисович Булыкин и Ольга Андреевна Новохацкая (1898-1976) в